

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНСТИТУТА
ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ

2005

НАУКА

УДК 39
ББК 63.5
П49

Издание основано в 1971 году,
возобновлено в 2004 году

Редакционная коллегия:

З.П. СОКОЛОВА (ответственный редактор),
Е.А. ПИВНЕВА, А.В. ФРОЛОВА

Рецензенты:

кандидат исторических наук Е.П. БАТЬЯНОВА,
кандидат исторических наук Л.Т. СОЛОВЬЕВА

Полевые исследования Института этнологии и антропологии /
Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. –
М. : Наука, 1971– .

2005 / [отв. ред. З.П. Соколова]. – 2007. – 317 с. –
ISBN 978-5-02-035237-7 (в пер.).

Сборник содержит полевые материалы, собранные как в 2004–2005 гг., так и в предшествующие годы в разных регионах Российской Федерации, научные статьи и отчеты по итогам исследований, а также первичные материалы полевых дневников этнографов. Диапазон тем и проблем многообразен: традиционная культура хантов Тюменской области, развитие традиционной и современной культуры у народов Кавказа, семейные обряды, социокультурная адаптация народов Севера, история народной медицины, становление шамана и шаманское целительство, нормы этикета, деятельность общественных организаций в современном обществе.

Для этнографов, антропологов, культурологов, религиоведов, юристов.

Темплан 2007-І-80

ISBN 978-5-02-035237-7 © Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2007
© Коллектив авторов, 2007
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание “Поле-
вые исследования Института этнологии и
антропологии” (разработка оформления),
1971 (год основания), 2004 (год возобно-
вления), 2007
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2007

ШАМАНСКОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ¹

Основой деятельности как традиционных, так и современных (нео)шаманов является помощь людям в сфере психосоматических недугов, с чем согласны не только сами (нео)шаманы, но и абсолютное большинство исследователей². Это помощь особого характера, на первый взгляд мало напоминающая то, что предлагают клиентам современные *народные целители*, с которыми нынешние (нео)шаманы активно контактируют и даже конкурируют³.

Целью данной статьи является анализ некоторых принципов *шаманского целительства*, представленный через восприятие одного из соавторов работы – шамана и психолога В.С. Топоева.

Открытое и беспристрастное исследование (нео)шаманских практик в современной ситуации крайне необходимо по многим причинам. Во-первых, оно выявляет реалистические основы процессов, происходящих с (нео)шаманами при их не всегда понятной работе. Во-вторых, авторы исследования пытаются грамотно комментировать эти процессы с научной позиции. Это значимо не только для понимания загадочных явлений учеными, но и для снятия покрова таинственности с феномена, который вполне возможно интерпретировать в реалистической, а не в мифологической парадигме мышления и при этом не увязывать ни с деятельностью мифических духов, ни с кознями Сатаны. В-третьих, авторы выявляют важнейшие составляющие шаманских целительских техник, соотнося их с известными в различных медицинских практиках похожими вариантами работы. Последнее необходимо для научных интерпретаций явления, которое многие исследователи, едва перестав считать обычным шарлатанством с элементами гипноза, тут же отождествили с простой психотерапией. В-четвертых, авторы постарались не упустить значимую этнологическую проблему: ведь в современной ситуации, когда профессиональное народное целительство, благодаря своей открытости, предоставило возможность всестороннего изучения феномена целителя, есть вероятность просто не успеть проанализировать особенности именно шаманских техник и фигуры шамана, т.к. они быстро “растворяются” в явлении неошаманизма, которому свойственна настроенность на глобализацию и значимые трансформации.

Кто он, мой внутренний собеседник? Чтобы понять суть происходящего в шаманском лекарстве, надо разобраться с од-

ним довольно щекотливым вопросом: кто этим лекарством занимается. Вопрос может решаться как в мифологической парадигме, так и в психофизиологической и психоментальной. Из огромного пласта литературы не только шамановед, но любой сведущий читатель хорошо знает, что у шамана есть некие помощники – духи, которые *вместе с ним* или *вместо него* выполняют работу по восстановлению целостности и порядка (Космоса) в мире живых. В зависимости от техники, используемой шаманом, организуется его контакт/отождествление с так называемым духом: это может быть, например, “обмен телом” при технике *вселения духа*, “соединения в одном теле” при технике *контролируемой одержимости*, “внешнего общения” при технике *изгнания духа* или технике *шаманского путешествия*. Вместе с тем надо помнить, что у каждого (нео)шамана есть свои сложности и особенности как в обретении духов, так и в контактах с ними при работе и в жизни.

В данной статье мы будем рассматривать практику конкретного специалиста, что дает возможность более подробно проанализировать специфику его личных “контактов с духами” (“контактов” психофизиологических и психоментальных), а также проинтерпретировать вопрос о духах (в мифологической парадигме) с различных точек зрения.

В.С. Топоев обратился к шаманской практике в некотором смысле случайно. Своих духов он *увидел* впервые по совету и с помощью человека, который был знаком с многочисленными техниками общения с ирреальностью. Его первый учитель (дагестанец, художник, обучавшийся шаманизму у старой бурятской шаманки, постигавший буддизм в Иволгинском дацане) предложил ему провести обряд возбуждения духов предков.

«Почему-то он все время мне говорил: “Ты должен целительством заниматься”. Я говорил: “Это я уже проходил”. На самом деле я что-то там уже пытался делать раньше. Он снова: “Нет, тебе надо силу предков получить”. Сначала он сделал сам обряд. И ничего я там не испытал, ничего не увидел, никакой силы не получил – ну, по моим ощущения – какой был, такой и остался. ...Ничего у меня не изменилось. А когда я к нему приехал (*еще раз*), он мне говорит: “Ты вот сам это сделай”. По его наставлению, как он мне описал, как это делать (*я сделал обряд*.) Потом решил присесть. Думаю, дам им сейчас покушать, сам сяду... Ну, прикрыл глаза – идут картины! Я думаю: “Я с ума сошел!” У меня образного мышления как такового-то нет! И – раз, увидел впервые в жизни образы! А понимаю, что (*это*) шизофрения как бы... Только закрыл глаза – и появились лица, движения... Я в них узнал как бы своих предков. Родственников, похожих на

них предков. Такие стрижки там старые, одежды и так далее... И самое главное, что они на сегодняшних родственников некоторых походят, только мужчины – на женщин, может быть и наоборот... Ну, антропологически как бы подходяще. И я так думаю: все, у меня проблема с головой! Я – к этому Сергею: “Что случилось? Галлюцинации”. “Вот это и есть твои духи предков”, – говорит.

Для меня это был стресс тогда. Увидеть такие вот реальные картинки – это был стресс! И вот тогда я понял, насколько реальные эти картинки, когда (*проявляются*) болезненные моменты психики... (ПМА – 2006)”.

В данной ситуации В.С. Топоев только *увидел* духов, воспринял их в основном психоментально. О случае *обретения духа* – глубоком психофизиологическом ощущении его присутствия и управления телом адепта – нам уже приходилось писать⁴. Очевидно, что такое обретение случается при довольно глубоком ИСС-погружении, когда неврологические реакции настолько глубоки и яркие, что запоминаются организмом на разных уровнях и позже автоматически воспроизводятся при попытках войти в ИСС. Вместе с тем, в шаманистических культурах, где проявления подобного рода связываются именно с появлением духа, дальнейшие вполне естественные демонстрации элементов “работы духа” приводят к усилению впечатления о его реальном наличии.

Через такую достаточно сложную ситуацию проходит в своем становлении любой адепт шаманизма; разумеется, все они по-разному реагируют на происходящее с ними, что зависит от психоментального статуса и общего образовательного и культурного уровня человека. Борьба с наваждением необычайно тяжело. Многим (не только представителям шаманистических культур) оказывается гораздо проще принять эту новую реальность и подстроить под нее свое мировоззрение⁵. Для В.С. Топоева – реалиста и атеиста по натуре – происходящее с ним на протяжении многих лет вызывает не просто сомнения, но активное желание разобраться с грамотной научной позиции с самим явлением. Однако не принять *виртуальную реальность* порой оказывается более чем сложно. В первую очередь мешают внутренние ощущения: чувство психофизиологического дискомфорта, достигающего до ощущения управления организмом “изнутри”, у отдельных адептов – восприятие информации через голоса, видение картин и т.д.

Некоторые ситуации бывают настолько трудно соотносимы с привычной реальностью, что невольно возникают мысли: без “посторонней помощи” они произойти не могли. В.С. Топоев,

например, размышляет, вспоминая один случай из практики: “Вот почему у меня это атеистическое сознание одно время как-то поколебалось – но, я так думаю, что я до сей поры на атеистических позициях стою... После камлания (*одного*)... Там чудеса какие-то поехали у этой дамочки – 25 или 27 лет ей было. Очень она себя считала сильной шаманкой. ...Ну, там сумасшедший дом, короче говоря, был. И у нее выключилось сознание. Выключилось – и все. Я не знал, что делать. Мантру начал читать. Читал-читал мантру – а у нее живот вот так надувается, на моих глазах надувается живот; а она – без сознания лежит, вообще невменяема, как в коме. Живот надувается, потом резко спускается. Как бы вырывает ее. Я – читаю. У меня – волосы дыбом. Дальше читаю. Сорок один раз надувался живот. Потом она еле-еле очухалась. На следующий день дышать не могла, поскольку мышцы разъехались... Думаю, не так просто все это, как казалось бы или хотелось бы... Все-таки что-то за этим стоит. Я сначала снисходительно, даже пренебрежительно относился ко всему такому, а после этого стал более уважительно относиться”.

Сложно объяснять адептам и факты восприятия-визуализации образов их духов другими людьми, *видящими* виртуальную реальность. Особенно затруднительным становится положение, когда несколько человек имеют возможность общаться и обмениваются информацией с ирреальным персонажем, которого хотелось бы счесть собственной галлюцинацией, но видение его другими мешает такому восприятию:

«Поехали на камлание. ...Я тогда ни о чем таком не думал. Они все говорят: “Ты – шаман!” Ну, а я хожу, как идиот... Я говорю (*другому шаману*): “Ну и заberi его (*духа*)!” Я слышал, что где-то в карты проигрывают духов, раньше проигрывали, якобы, в карты (кто-то мне сказал)... Ну я и говорю: “Заberi его!” И более того: я его (*духа*) не видел, не ощущал (*тогда*). А потом ... он говорит: “А он ко мне не захотел. Он, – говорит, – вот такой скорченный, обошел вокруг меня и ушел”. ...Но там совпала какая деталь (*в описании*): форма одежды. В Днепропетровске-то (*я духов видел*), когда я в первый раз их вызывал. И когда описывали другие разные люди, не связанные с шаманизмом – все они описали определенную форму одежды (*этих духов*). И вот эти товарищи опять же описали ту же самую форму одежды. С одной стороны, она могла, конечно, сидеть у меня в голове; этот образ – он видим, читаем, осязаем (по-разному может восприниматься). Тут, конечно, не настолько это объективно”.

Для адепта сложно и то, что он сам *видит* своего духа, причем воспринимает его как некое независимое от себя материализованное образование: «Иногда вижу я его, например, когда он

начинает издеваться, изгаляться. Он слишком большой шутник и постоянно что-то придумывает для собственного удовольствия: то бороду вырастит... А то лежишь, телевизор смотришь: “А я, – говорит, – тоже хочу посмотреть”. И – руки на пузе так (*сцепил пальцы рук*), раз! Сидит, шевелит (*пальцами*). Он, я бы сказал, проказник большой. Он же меняет форму. Он может трансформировать себя в любой образ. У него нет привязанности: вот такой и все».

Мало того, сам адепт в своей практике часто оказывается зависимым от духа. У него постепенно формируется восприятие духа как основного действующего лица в их совместной работе: «Бывает так, что я бы, например, хотел помочь, а он говорит: “Нет, это не надо”. И может объяснить, почему. Он не каждому человеку старается помочь. Если занимаюсь я сам – пустое. Я не могу даже причину (*недуга*) найти».

Для адепта и исследователей за всеми сложностями восприятия шаманского духа, если предположить, что он существует как некая “тонкоматериальная реальность”⁶, кроется еще несколько важнейших вопросов, тесно взаимосвязанных друг с другом: “На мой взгляд, тело (*человека*) нужно (*духу*) для анализа. Для выражения каких-то мыслей. Иначе, я думаю, что они и мыслить-то не смогут, эти товарищи духи. А по-другому тело человеческое просто не нужно. Вот для мыслительных процессов, для включения памяти... Я для себя еще не могу найти ответ на вопрос, зачем существует дух-помощник. То ли для убеждения самого шамана – как суггестия, аутосуггестия: вот создание образа и влияние с его помощью. Если они автономно действуют как таковые, тогда зачем вообще человек нужен как шаман? Налетели бы, вылечили его, разобрали бы по частям, собрали... Почему шаман-то нужен? Человек, даже не шаман, а человек, из которого шамана делают? Ну, хорошо. Сделали (*кого-то шаманом*) – (*пусть у него будет*) один дух. Ну, а отряд духов для чего? Опять же – суггестия: я сильный, я – великий, за мной какая-то сила стоит? И как это функционирует?”

“Как это функционирует” – наиболее значимый вопрос для всех, кто пытается разгадывать тайны шаманизма. В нашей ситуации очевидно, что, прежде чем решать вопрос о способах работы самого шамана, надо уточнить, как – с точки зрения этого адепта – функционирует его дух-помощник и каким образом он и иные духи используются в шаманской работе.

Шаманский дух. Обратим внимание на то, что *шаманский дух* – некое своеобразное alter ego шамана – и простые *духи-помощники* значимо различаются. Если первый являет собой обычно некую модификацию духа-предка, как правило, шамана в ка-

ком-либо колене (судя по опыту нашего адепта, таких духов может быть и несколько), то многочисленные иные помощники – это либо воплощение духов природной и животной силы, либо приданные шаману некие специальные духи-помощники, воспринимаемые в мифологизированном варианте.

Для традиционных шаманов духи-помощники были воплощением силы и значимости, с которыми устанавливались в основном договорные взаимоотношения или отношения вынужденного подчинения. В рассматриваемом случае имеет место своеобразная модификация представлений о духах, вызванная, с одной стороны, стремлением к анализу феномена шаманизма, с другой же, не исключено, спецификой знания учителя, прошедшего школу бурятского шаманства, где шаманские духи – это именно предки-шаманы, которых во время камлания “вселяет” в собственное тело живущий шаман-потомок. Может быть, именно поэтому к хакасскому шаману, которого раскрыл (= *инициировал*) знаток бурятской традиции, пришли несколько предков:

“(?) Можно считать, что пришли пять твоих предков-шаманов или просто предков?”

(!) Не знаю, как сказать... Впоследствии они как-то имеют каждый свою функцию. Я их не могу назвать предки, например. Хотя они очень похожи, естественно... Но у них какая-то своя функция: один только это делает, другой только это делает... На одного Хоттабыч сказал, этого дурака вообще больше не возбуждай... (*смеется*)”.

Может быть, что именно от истоков переданной традиции у В.С. Топоева есть устойчивое представление и об одном постоянном духе-помощнике, существующем по принципу *alter ego*; этот тип представлений свойственен традиции с техникой *вселения духа*. Интересно, что сам неошаман предполагает как некую вероятную реальность только основного шаманского духа, а в отношении воплощений помощников (в виде животных, птиц) он высказывает весьма неожиданное предположение: “И вот это свободное место (*конкретное шаманское тело*), оно должно быть по-хорошему занято ... духом коренного предка, того, кто тебя сделал шаманом. Один делает. А все остальные – второстепенные или их вообще нет. Один есть, а других может не быть. Другие – просто образы, порождаются этим (*духом*), чтобы укрепить веру в твои силы, в твои возможности; в большинстве случаев это так и есть. И тогда человек может считать себя великим шаманом. И вот этот вот *шаманский дух*, я думаю, он может играть. Образами. ...

(?) Ну, хорошо. Вот ты работаешь. У тебя появляется этот самый индюк (*один из образов помощников*). Что при этом Хоттабыч (*шаманский дух*) делает?”

(!) Хоттабыч – он во мне сидит, как ни странно. Он, например, может говорить: “Иди туда или туда”, – этому индюку. Раньше был петух (*смеется*), а теперь – индюк. Индюк – он неожиданно буквально нарисовался. Это же опять Хоттабыч... Я его не придумал, ничего. Сидел-сидел, а он мне говорит (у меня был приятель, он такой достаточно важный и внешность у него солидная), и вот он говорит: “Важный индюк сейчас придет”. Ну, я сначала думал, что он его индюком обзывает-то. Потом смотрю – индюк (*виртуальный образ*), действительно, появился – откуда ни возьмись! Вот секрет весь кроется в этом Хоттабыче. Он может как мне создавать галлюцинации, так и другому. Может быть, (*это*) из буддизма опять же... Там говорят, что магически сильный дух не может иметь формы, он не привязан к форме, она ему не нужна. Он понимает больше, чем глупые духи, например, или менее продвинутые, или магически не сильные. Они не могут себя трансформировать: вот они есть каковые, так и есть. А вот магического характера духи, которые участвуют в каком-то другом процессе, в частности, взаимодействия человек – природа, например, могут менять свои формы. И в этом как раз опасность галлюцинаций...»

Итак, согласно представлениям нашего адепта, в шаманской работе предполагается использование основного *шаманского духа*, иных *шаманских духов-предков* с конкретными функциями, вспомогательных *духов-помощников* в разных образах (к ним можно причислить, фактически и шаманских духов-предков, помимо основного), вместе с тем не отрицается наличие неких образований, которые могут быть отождествлены со *злыми духами*. Все они в мифологической парадигме могут считаться полной реальностью. В нашем случае есть допущение, что это – образы, конструируемые сознанием/подсознанием, но, вместе с тем, закрадывается подозрение в том, что *шаманский дух* – это некая тонкоматериальная реальность, от которой зависят не только персонажи мифологического ряда, но и сам шаман. Зависимость настолько значима, что предполагается даже момент обучения/воспитания шамана:

“(?) А Хоттабыч где был (*во время поразившего шамана эксперимента, см. выше*)?”

(!) А я не знаю, где он был. Я просто читал мантру. Может, он надувал все это из-за того, чтобы мое сознание пододвинуть; может, он такой способ использовал. Я это вполне допускаю, потому что иначе меня (*атеиста*) не воспитать”.

С позиции исследующего себя адепта шаманский дух может не только “воспитывать”, но и решать за себя и своего шамана важнейшие вопросы, в частности, проблему “совместного суще-

ствования”: «...Одна женщина психотерапевт... умела как бы общаться (с духами). ...Она мне сама говорит: “Может, тебе убрать его надо?” Я говорю: “Ну, пожалуйста, убери”. Она притронулась к руке и с испугом отдернула ее – он ей сказал: “Только попробуй!”»

Учитывая различное отношение к образам, обратим внимание на общую проблему их видения.

Вижу то, что могу увидеть. Очевидно, что сомневающийся в полной реальности виртуальных проявлений адепт к настоящему моменту своего шаманского развития (период сосуществования с шаманским духом – не менее 12 лет) убежден в том, что он контактирует с неким существом/силой, не имеющим возможности вполне самостоятельно действовать в реальном, вещном мире. Этот дух для него видим в тонкоматериальном варианте, осязаем через психофизиологические реакции; главное – это существо имеет возможность предоставлять неведомую адепту *информацию* и оказывать воздействия различного рода в проявленном мире. Если для адепта (В.С. Топоева) важнейшим является вопрос, зачем он, его тело необходимо этому таинственному объекту, то для исследователей (в том числе и самого В.С. Топоева) важно понять, *как человек видит духа и каким образом обретается информация*, а затем *оказывается реальное воздействие*.

Вопрос видения/восприятия трактуется адептом через его знание из буддизма: «...Я как-то у одного буддистского учителя поинтересовался, какие бывают варианты ясновидения, он сказал, что их – пять; каждое из них, как он выражается, менее ясное. И самое ясное – это когда внутри головы появляются как бы образы. Но вот такое состояние, к сожалению, не часто встречается...

(?) Очевидно, часто это не просто яркие и странные образы, это как бы прообразы, некие архетипы; ощущение: когда ты видишь маску, но ты знаешь, чье это лицо...

(!) Да-а-а, это зачастую у меня так бывает. Я, например, даже не вижу, но все-таки я знаю, кто это. Я говорю – как бы какое-то знание (*получаю*), я даже не вижу, а знаю... Вот Вы говорите – маска, а я как бы знаю интуитивно, кто это...

(?) А при других типах ясновидения как воспринимаются образы?

(!) Он (*буддийский монах*) не раскрывал это. Просто сказал, что есть ясновидение, когда образы внутри (*воспринимаются*), а все остальное – менее ясное. Меня это удивило: как это ясновидение и менее ясное? Раньше я думал, что третий глаз, ясновидение – они очень объективные. А поскольку даже вот этот монах объясняет, что они не ясны и в принципе такого точного, ясного

видения в природе не существует, всегда есть субъективность, ну вот я потом уже начал наблюдать за этими проявлениями видения: насколько насыщенность там представлена, где есть объективные вещи. Насыщенность – имеется в виду краски, динамика какая-то, например... Я отследил три, может быть даже четыре видения: первое – внутри вот этот образ; второе – вокруг головы как бы (*все происходит*), голова вставлена в какое-то пространство или в ситуацию; третье – как бы большие глаза вставлены в эту комнату... Еще как бы через лупу, через линзу (*можно видеть*). И еще один вариант – это издали. Как на стенке, например, на локальном участке; как на экране. Как реальными глазами видишь. Ну, вот в том варианте, когда “вставленные глаза”, я так думаю, тут начинают работать непосредственно “духи”. Дух, внутри (шамана) который сидит, он как бы рисует.

(?) “Вставленные глаза” – это когда видишь, будто бы в глазах все происходит?

(!) Да, когда видение картинки как в глазах, как картинки идут. Они могут быть большие, маленькие могут быть... И вот я думаю, что это можно отнести к влиянию духа. Причем оно в процессе диагностики, например, как бы приближается. Если я смотрю орган какой-то человеческий, то он, условно говоря, приближается. Там, внутри в глазах.

...Это (варианты видения) я четко понимаю, разделяю; у меня появляются определенные навыки разделения видения. Но насколько это субъективно/объективно – (*трудно сказать*). При любой относительной объективности все-таки там появляется “но”.

Например, человек тоже думает о своей проблеме. Он пришел, актуализировал проблему, и под впечатлением актуализации начинает размышлять сам. В этот момент можно увидеть его образы. Особенно если человек правополушарный, т.е. образами думает. Вот тогда можно легко подпадать под его влияние. Либо он может подпадать под твое влияние. Эти два сопрягающихся элемента могут сконструировать нечто, похожее на не имеющую реальной основы проблему. Например, она начинает думать: “Меня сглазили!” И перебирает в голове, кто бы это мог сделать. В этот момент я могу увидеть ее образы и сказать: “Там у тебя вот такая...” И она тут же: “Ух, я только об этом и подумала!”

...Бывают галлюцинации слуховые, так сказать. Это совершенно другое... Сложно написать для людей, которые этого никогда не испытывали...»

Но *видеть* может не только практикующий (нео)шаман, оператор; часто некие картины или ощущения воспринимает сам клиент: “У меня была мода с индюком (*духом-помощником*)

работать. Индюк должен червей клевать. Ну, пусть. И я потом у пациента спрашиваю: “Ты чувствовал?” “Да, там, там – больно”. А мне-то видится, как будто индюк ходит и – тью-тью-тью, клюет. Другой раз я говорю: “Хорошо, сейчас индюк придет”. И я сам его проверял, тактильные ощущения. Потом проверяю, говорю: “Закрой глаза, представь индюка. Индюк сейчас подойдет к тебе и склонет у тебя прямо в глазу (что-нибудь, типа...) паука”. И он этого паука видит! Потом вот этот индюк куда-то девается. Исчезает. Как появляется из ниоткуда, так и исчезает в никуда. Ну, кто такой индюк? Для меня вот загадка... Большая загадка. И потом он же появился, буквально год-два с этим индюком я поработал, потом опять задвинул его в сторону. Иногда нет-нет, да и попадается клиент, с которым опять индюк начинает трудиться. Ну, кто они такие? Вот для меня это – вопрос. Либо это сознание порождает нечто, либо это чисто суггестивные моменты, как бы гипноз по сути дела”.

Можно констатировать, что для адепта существует несколько вариантов восприятия образности в ИСС. Не исключено, что каждый из них сопряжен с определенной стадией погружения, чем объясняется не только качество и характер видения (восприятия информации – суперсенситивные качества), но и специфика вероятностной работы в таких состояниях, возможность и характер оказания воздействия, в том числе экстрасенсорного⁷.

Психотерапия, но не только... Работа (нео)шамана с клиентом (оператора с реципиентом) в различных (нео)шаманских практиках не только внешне (ритуал и его контекст – мифологическая парадигма) организуется по-разному, но и внутренне (психофизиологическая и психоментальная парадигмы) дает различные ощущения и разные эффекты и результаты. Прокомментировать саму работу оператору бывает довольно сложно, поскольку процессы, происходящие во время камланий, далеко не всегда можно спланировать и даже отследить: (нео)шаман порой оказывается в таком варианте ИСС, когда его сознание не способно анализировать происходящее с ним и окружающими в режиме реального времени. Не претендуя на представление всех возможных вариантов работы даже одного конкретного адепта, попробуем охарактеризовать некоторые состояния в его собственной, шаманской интерпретации и прокомментировать их сообразно одной из систем ИСС.

«(?) Попробуем описать различные варианты практики.

(!) Они бывают вполне объяснимые, некоторые используют внешний гипноз. Они лежат как бы в русле менталитета... Работаешь буквально скрытой информацией подсознательной. Это чисто без всяких измененных состояний, хотя, вероятно, я все

равно в измененном состоянии нахожусь. Например. Приходит женщина, у которой есть проблемы с алкоголем. Я ей говорю: “Еще раз выпьешь, у тебя появится энурез”. Она говорит: “У меня это уже было!” Откуда я как бы туда поехал? Я уже знал как бы, что у нее проблема недержания. И я, да не я, а Хоттабыч, начал ей говорить, что будет, если еще раз прикоснешься. Она говорит: “А я этого боюсь!” И потом месяца через два пришла, я говорю: “Ну и чего?” Она: “Знаешь, – говорит, – даже страшно смотреть на людей, которые пьют!” Тут эффект внушения сработал. Единственно слабое место – страх чего-то, страх смерти, например. Либо в данном случае – недержания мочи. Тут одна проблема была: понять, какие страхи у нее существуют и на этих страхах сыграть. Но я же ее не анкетировал, не допрашивал – пришла, села, а я ей сказал.

(?) Это ты “считал” ее состояние?

(!) Считал. В этом весь фокус. Можно посредством беседы выяснить, но это долго, а тут сразу и от этого (*оттого, что неожиданно выявляется скрываемая информация*) – большая внушаемость у пациента. Пациент ошарашен. А раз ошарашен – то и все. Если по телефону связываешься (*тот же эффект*)... Ну, вот девочка одна звонит, лет 29. “Дышать, – говорит, – не могу”. Я ей говорю: “Представь, что сзади у тебя между лопатками и аж в груди – кол. Представь и убери!” Она представила и убирает – все. “Нормально дышать?” “Нормально”. Это – то же самое внушение. Только свелось все это к образу духа-паука или неодушевленного предмета – кол. А откуда они появились (*в ее “тонком теле” или моем сознании*) – я не могу сказать. Либо это произвольно появилось, либо это раньше она сама себе создала проблемы, а они приобрели такую форму. Это невралгия появилась. Но в данном случае она очень быстро освободилась от этой невралгии. Ну, это – сплошь и рядом. Это ж очень просто. Сложнее с тяжелыми формами заболеваний, где требуется иная терапия. Где, скажем, связано с органикой. Здесь – невралгия, это просто. Где психосоматическое – сложнее, а чисто соматическое – вероятнее уже прибегать к лекарственным способам, медикаментозным».

Очевидно, что в арсенале современных неошаманских практик есть варианты работы, которые соотносятся с психотерапией или психоанализом. Однако работа человека, обладающего суперсенситивными способностями в данном случае в значительной степени облегчает и меняет саму методику: ему нет смысла проводить обычный для психоаналитика или психотерапевта сеанс, поскольку он имеет возможность получить информацию иным путем, более простым для него и совершенно нереальным

для клиента, которого такие способности (нео)шамана ошарашивают, создавая дополнительные условия для психоментального воздействия.

“(?) Получается, что шаман делает ту же работу, что и психоаналитик. Разница только в том, что ты все это видишь, считаешь его мысли, а психоаналитик должен все “вытряхнуть” из собеседника путем разговора. И он может сделать аналогичную вещь?”

(!) Нет, аналогичную вещь он не может сделать. Он опять же путем беседы, путем вербальной коммуникации пытается отладить какую-то структуру его психическую. А шаман же может, минуя вот эту фазу коммуникации, непосредственно в его (*клиента*) образах поковыряться и либо трансформировать их, либо убрать какие-то стереотипы, установки, программирование, негативные образы, в смысле негативно направленные на его настроение, психику – ну, дрянь, условно говоря...”

В данном случае сложным кажется только вопрос о получении суперсенситивной информации. Однако адепт, объясняя свое состояние во время работы, фактически, сам комментирует момент вызова гиповентиляции, которая, естественно, быстро вводит его в одну из начальных стадий ИСС: “Для того чтобы мне сосредоточиться и поймать какой-то образ, войти в это состояние – я потом это только заметил, потому что это на автомате – дыхание у меня притормаживается. Я раньше не замечал этого. А вот я как бы затаиваю дыхание, и вдруг в этот момент – раз! – оно что-нибудь как бы начинает появляться. А начинаешь контролировать задержку дыхания, чтобы ее не было – ничего такого не происходит...”

В.С. Топоев предполагает, что в это время осуществляется некая перестройка стереотипного мышления, за счет чего возникает определенное суггестивное состояние. Впрочем, у него оно более выражается в первую очередь в особом варианте высказывания получаемой информации, посредством “говорения духа”: «...Существует какое-то стереотипное мышление, и если оно перестраивается, перестройка связей идет, вот тут возникает, ну, скажем, какое-то суггестивное состояние. И в результате этого возникает какой-то отзвук. А если выпускать звуки, ну, условно говоря – хрипы, голос – дать возможность духу (*реализовать себя*), то тут как бы только расслабляешь нижнюю часть челюсти – и оно пошло-поехало (*начал говорить*). Единственное – я не могу добиться того, чтобы нормально мимика лица была (*когда “говорит дух”*)».

В “шаманской психотерапии” есть свои сложности. Далеко не каждый клиент оказывается столь просто “прочитываемым”

энергетическим полем. Для некоторых требуется использование традиционного шаманского инструмента – бубна, который используется обычно как безотказный прибор для воздействия на психоментальные и психофизиологические процессы человеческого организма: “Например, если человек эмоционально ровный, то вероятнее всего его трудно посмотреть. Если у него состояние ровное, уравновешенное, если он не возбужден, не боится, не депрессивный... к нему трудно подобраться. Его надо вывести из равновесия тем же самым бубном, изменением ритма... Ну, встряхнуть его чем-то надо. Тогда процесс может пойти дальше. А если он так может просидеть – то ничего ни он, ни шаман не получит. Но обычно, конечно, пациенты тревожатся: что скажет и так далее... И тогда шаман может как бы считывать его (пациента) мысли. И быть на поводу у этих мыслей. С одной стороны, это может быть и полезно. Полезно – в чем? Не слишком много надо ковыряться и не плавать в других местах, если его тревожит именно это. И чтобы его уравновесить каким-то образом в части психотерапии, то вот с его мыслями и надо работать. Поскольку в любом случае эти мысли возбуждаются за счет соматических реакций...”

“Шаманская психотерапия” включает работу с воспринимаемыми образами. Причем адепт их активно использует именно с психотерапевтической подоплекой, вполне сознательно “подбрасывая” извлеченное из подсознания пациента в его сознание. Интересно, что “видит” он эти образы реально-предметного уровня как бы непосредственно в различных “пустотных” частях тела клиента: “Например, если я занимаюсь терапией, то обычно это “не там, где-то” в лимбе, например, а в местах тела... Эмоции (причем в пустотных вещах, типа – мочевого пузырь, матка) скорее всего, “будут выходить” на уровень сознания... Это и есть в моем понимании уровень предсознания, (здесь) заложилось (все) само собой за счет мышления. И мышление, если оно окрашено эмоциями – вот это и есть как бы “порча” самого себя. Создал себе проблему, эмоционально выразил ее, и она появилась как бы в какой-то структуре, ну, скажем, на периферии нервной системы. И удерживается. Я не знаю, за счет чего-то она удерживается – за счет головы (*мыслей*) ли, или самостоятельно начинает жить за счет каких-то элементарных частиц или нейронов или каких-то похожих частиц и потом влияет на работу нервной системы... Либо она тут доминанту как бы образует с центром, который все время удерживает этот образ... Ну, для меня удерживает почему-то...

Вот я сегодня бабушкой занимался. Я ей говорю: “У Вас был фонарик, такой квадратненький” “Да, был”. “Он – немецкий”.

“Да-а-а...” “И знаете, где он?” И указываю ей как бы в матку. А у нее проблемы там в матке: миомы, еще чего-то... Уже тридцать лет у неё там приливы-отливы идут... Скорее, это “от того фонарика”... И тут надо опять же думать, почему так? Это хорошо, что я ей сказал, это – терапия. Мы его (фонарик) убрали – у неё перестало там болеть, давить и т.д. Это может быть способ нахождения терапии, которая могла бы повлиять на неё, на её психику: найти удобный образ, который бы запомнился или запомнился в детстве. Это и есть терапия. Я его убираю из сознания – всё, для неё он как бы исчезает, этот образ. И теперь она себя будет подбадривать: “фонарика” нет, значит, болеть не будет.

Надо дать удобный образ, чтобы осуществлять эту психотерапию. Психоаналитик – может придумать какие-то образы, а мне надо поковыряться в памяти, найти, что его притягивало когда-то, влекло, нравилось или не нравилось, например... Люди же... Ну, женщины, например, более эмоциональны. У них этих проблем больше, чем у мужчин. Желание, например, иметь красивое нижнее белье. Смотришь: “А тебя не давит случайно, грудь не жмет?” “Жмёт-от”. “А вот такой бюстгальтер, например (я ей описываю его)”. “Да, но у меня его нету...” “А ты хотела купить?” “Да-а-а!” “Примеряла?” “Да, мысленно”. “Ну, вот и получи”, – говорю. Дышать некоторые не могут после таких примерок, типа шубы норковой. Мечтает, например, крутится перед зеркалом. У человека появляется этот образ, образ-желание. Если его убрать, то человек начинает себя лучше чувствовать. Но как работает физиология в этом смысле?...»

Последний вопрос возникает у практиков шаманизма достаточно часто, особенно в тех вариантах работы, когда происходят неожиданные реакции пациентов: «Вот я однажды в Туве занимался одним мальчиком, (у него была) эпилепсия... Я ничего такого не делал. Духи сказали: “Побольше водки брызгай и по сильнее в бубен колоти – и всё! Больше ничего от тебя не надо!” Я побольше побрызгал и сидел колотил. И терапевтический эффект – налицо! Но там их было двое. Два брата. А с другим пришлось работать семь ночей. Для того чтобы приостановить его судороги. Каждую ночь у него как бы приступы были. И мы уж там втроём – я, тётушка и Роза – как только приступ, мы втроём нападали на этих всяких... типа... ну, образы змей. Этих “змей ловили”. И – самое удивительное – тогда-то я ещё был совершенно суператеистом, вообще не доверял ничему такому... Но вот когда этот (*парень*) уже в судорожном состоянии, глаза закатываются, падает: как образ хватаешь – он в себя приходит! Вот в том-то и вопрос! Образ убираешь – этот в бессознательном состоянии – он сразу приходит в себя! Почему?»

Вероятно, что в данном случае образ помогает адепту войти в такой вариант ИСС, когда возникшее суггестивное состояние позволяет мощно воздействовать на пациента. Однако работа с образами в “шаманской психотерапии” может иметь и иной вариант и выход: в эту *игру образов* включается клиент и далее разыгрывается некий сценарий, предполагающий очевидное гипнотическое воздействие: «Можно придумать этот образ. И этот придуманный образ тоже будет действовать. Но этого, к сожалению, бывает недостаточно для эффекта. Ну, придумал – придумал, и ладно, очень даже удобно работать в таком легком гипнозе: “Вот там, смотри, видишь, там дракон бежит?” “Вижу”. “А сейчас он прибежит и схватит тебя за голову, а в голове у тебя там тварь какая-нибудь”. И он действительно видит, как этот дракончик скачет, хватает его за голову, отдирает там что-то... и психосоматическую реакцию дает... Это гипнотические вещи. Наведение (*делается*) определенных картинок на пациента, и этот пациент в определенном моменте ощущает, что что-то с ним происходит. Включаются механизмы самооздоровления, возможно...»

Обратим внимание на то, что адепт в своем восприятии и трактовках ситуаций, не требующих глубоких погружений в ИСС, комментирует вполне реалистично и научно происходящее с ним и пациентами. Однако как только речь заходит о ситуациях с глубокими погружениями (с использованием экстатических и трансовых состояний), то “отключение сознания” дает себя знать и восприятие переходит на иные уровни, где обойтись без ощущения присутствия духов оказывается просто невозможным: “Если сознание отключается, (*то нужен*) контроль над своим телом, и больше от человека ничего не надо. Отключить контроль за двигательным аппаратом... Оставить только мозги. Это необходимое условие для того, чтобы проводить камлание как таковое. А тут уже степень его готовности отключать мозги – это сложная задача. Либо его надо довести до абсолютного транса... Это его качество ума должно быть. И вот от степени его готовности (зависит) будет обряд или не обряд... Самая высшая степень готовности, это когда ничего не делать, и все само по себе (*получается*) за счет каких-то внутренних психических процессов. Ну, иногда этого недостаточно бывает, нужно имитировать нападение, поскольку тот дух, против которого ты работаешь, он тоже – не дурак.

И вот эти образы ментального характера (сегодня очень многие товарищи работают ментальными образами – стрелы летают там; некоторые товарищи путешествуют – будь здоров) для определенной категории духов этих образов просто не существует.

(?) Но это фантазийный уровень...

(!) Да-да-да. Так вот они (“духи”) просто различают, где фантазии, где – нет. Вот, условно говоря, представил в руке меч. Духу будет ясно, что у меня в руке меч. Если поставил преграду и привязал этого духа к столбу – он маленько туповатый, он не может отличить реальность и ирреальность, где фантазийный уровень.

А есть духи, против которых с копьём-то просто так и не пойдешь, надо какую-то реальную работу сделать. Как будто реальную.

(?) Она должна быть энергетически иной. Важна энергетическая наполненность, а не информационная, так?

(!) Но шаман должен быть энергетически сильный товарищ. ... Если он хилый и слабый – на него никто не будет обращать внимание.

(?) Понятно. А для того, чтобы выйти на экстрасенсорный уровень, ты должен вызвать именно такой вариант образа, глубинный в смысле погружения в ИСС.

(!) Вот именно так. Тогда я должен нападать так, как будто это все – реальность. И тот товарищ, против которого может быть оказано воздействие, он будет реально воспринимать мои реальные действия. Например, призывания к какому-нибудь духу. И если этот реальный дух появится, то ему будет плохо. Почему эти (духи-)помощники, может быть, и нужны.

(?) Кто убирает образ: Хоттабыч или ты?

(!) Так вот, я думаю, что это все же Хоттабыч. Вот для чего тело нужно? Они без тела не в состоянии разогнать какую-то психическую энергию. Я же вообще перестаю что-то там в этом смысле контролировать – оно пошло и поехало”.

Последний диалог свидетельствует о том, что не только восприятие реальности присутствия “духа” зависит от глубины погружения в ИСС, но и характер работы (восприятия действия), и результат воздействия. Более глубокие погружения позволяют (нео)шаману оказывать воздействие не только на психоэмоциональном, но и на психосоматическом, и даже на соматическом уровнях. Это одна из загадок шаманской деятельности, которая требует серьезнейших исследований состояний человека (точнее, двух людей: оператора и перципиента) в подобной работе. Но если в настоящее время эффекты деятельности целителей уже исследуются, то шаманские практики, к сожалению, ждут своей очереди.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” (проект “Шаманизм

в трансформирующемся российском обществе: адаптационные механизмы и включенность в процессы глобализации”). Статья представляет собой часть исследований по проблеме психоментальных и психофизиологических особенностей шамана. Предыдущие работы этого цикла см.: *Харитонова В.И.* Шаманы без бубнов // “Восточная коллекция”. М., 2003. № 3 (14). С. 130–140; *Она же.* Устами шамана глаголет... дух? К вопросу о шаманской психофизиологии и возможностях экспериментального изучения личности шамана // ПИ–2002. М., 2004. С. 24–43; *Она же.* “Ты – во мне, я – в тебе” // “Восточная коллекция”. 2004. № 2 (17). С. 93–103; *Она же.* Виртуальный бубен бабушки Тади (Реликты традиционного шаманизма сагайцев на рубеже тысячелетий) // Сибирский этнографический сборник. М., 2005. Вып. 11. С. 176–196; *Харитонова В.И., Топоев В.С.* Там, где “Я” превращается в “Мы” (психоментальные и психоэнергетические проблемы шаманизма сквозь призму комплексных исследований) // ПИ–2004. М., 2005. С. 83–103.

² См. подробно: *Харитонова В.И.* Шаманы и шаманисты: некоторые теоретические аспекты изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик // ЭО, 2004. № 2. С. 99–118.

³ Например, в конгрессах народных целителей России, проводимых ВНИЦТНМ “ЭНИОМ”, обычно участвуют некоторые якутские неошаманки, а в феврале 2006 г. впервые представили свое ритуальное искусство и технику вселения духа бурятские неошаманы общества “Тэнгэри”; они дали рекламную информацию о себе в издании: “Элита специалистов традиционной народной медицины”. М., 2006. С. 126–128. В регионах, где появился неошаманизм, параллельно существуют иные варианты народной медицины, знахарства, а также народного целительства.

⁴ См. подробно: *Харитонова В.И.* Устами шамана глаголет... дух?...; *Харитонова В.И., Топоев В.С.* Там где “Я” превращается в “Мы”...

⁵ Ср., например: Ингерман С. Возвращение души. Восстановление разбитого на части “Я”. Киев, 2001.

⁶ См. одну из интерпретаций: *Родигат И.В.* Необычные явления природы: к вопросу о духах // Материалы международного междисциплинарного научно-практического конгресса «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных»». М.: ИЭА РАН, 2004. С. 79–87 (ЭИ... Т. 10, ч. 2).

⁷ См. об этом: *Харитонова В.И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных исследований и возможности новых интерпретаций. М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 1–2. (ЭИ... Т. 3).